

XV 63  
II


Ленинград  
Госиздат  
Ленинград



# МУРЗИЛКА

**№-1**  
ЯНВАРЬ  
**1951**

ЖУРНАЛ  
ЦК ВЛКСМ  
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ  
МЛАДШИХ  
КЛАССОВ



Учитесь у мудрого Ленина жить,

Народ до последнего вздоха любить,

Умейте все мысли и чувства собрать,

Умейте все силы и волю отдать

Тому, кого Ленин, как друга, ценил,

Тому, кого Ленин, как брата, любил,

Тому, кого Сталиным мир весь

зовёт,

В ком солнечный ленинский

гений живёт!

*Джамбул*

1924 ~ 1951

XV 63  
II



Владимир Ильич Ленин.

Музей  
Ленина  
Москва  
П-52-722



АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН

Рис. Ю. КОРОВИНА

## ДВА ПОРТРЕТА

Большой город Калькутта, самый большой в Индии!.. Есть там красивые чистые улицы и высокие дома, в которых живут англичане, американцы и богатые индийцы. Но всё это — в центре города. А загляни на окраины — и ты увидишь жалкие лачуги да бедные хижины. Люди спят там прямо на земляном полу, и ветхие крыши не защищают их от тяжёлых тропических ливней.

Есть в Калькутте и совсем особые кварталы. Хижины там беднее самых бедных, а мостовые грязнее самых грязных. Пешеходы обходят эти кварталы стороной и даже боятся взглянуть в их сторону. «Почему?» — спросишь ты, маленький читатель. Потому, что ютятся в этих нищих кварталах люди, с которыми, по страшным индийским обычаям, нельзя разговаривать, к которым нельзя прикасаться. Их так и называют «неприкасаемыми»<sup>1</sup>.

Десятилетний Мохан жил в одном из таких кварталов. Отец его был мусорщиком: «неприкасаемые» могут исполнять лишь самую грязную работу. Мальчик работал вместе с отцом.

Проходя по улицам, маленький Мохан должен был громко кричать и махать руками, чтобы все знали о его приближении и могли во-время шарахнуть в сторону.

Однажды вечером Мохан работал на одной из улиц города, неподалёку от сво-

его квартала. Вдруг из хижины, возле которой он убирал мусор, вышел высокий худой индеец. Заметив мальчика, он остановился и спросил:

— Что ты здесь делаешь, мальчуган?

Мохан поднял голову и увидел добрые глаза, приветливо смотревшие на него сверху. Мальчик, как всегда, закричал и замахал руками. Но незнакомец не испугался его крика и не отбежал в сторону. Наоборот, он улыбнулся ещё приветливее и протянул руку.

— Давай познакомимся с тобой! Меня зовут — Манурат. А как тебя?

Мохан не мог сказать ни слова: впервые в жизни ему протягивал руку человек из другой касты.

А незнакомец вдруг весело рассмеялся и сказал:

— Что ты так страшно таращишь глаза, мальчуган? Или у меня на лбу что-нибудь написано?

А потом он махнул рукой и добавил:

— Впрочем, если бы и было написано, ты бы всё равно не смог прочесть. Ведь ты, наверно, не учишься в школе?

Приветливое лицо незнакомца приободрило мальчика. И он тихо ответил:

— Я не учусь в школе...

Незнакомец вдруг нахмурился и сказал:

— Это очень плохо, что ты не учишься.

— Но разве я виноват в этом? — тихо сказал Мохан.

— А кто же виноват?

<sup>1</sup> Всё население Индии разделено на большие группы — касты. «Неприкасаемые» — люди самой низшей касты.

— Не знаю, — ответил мальчик.

— Со временем узнаешь! — твёрдо сказал незнакомец. И вдруг предложил: — Хочешь, я научу тебя читать и писать?

От удивления Мохан не смог ничего ответить. Но незнакомец прочитал ответ в радостно заблестевших глазах мальчика.

Так началось это необычное знакомство.

Отец Мохана узнал, что Манурат работает на текстильной фабрике. «Это очень хороший человек!» — говорили соседи. А потом они вполголоса добавляли: «Он — коммунист! Он защищает нас, «неприкасаемых».

По вечерам Мохан часто заходил в хижину Манурата. Для мальчика это были самые счастливые часы. Подолгу он сидел над большим листом бумаги, на котором были написаны все буквы индийского алфавита. Мохан заучивал их наизусть. А Манурат помногу раз проверял его.

Два года назад умерли от голода сын и жена Манурата. Он был теперь одинок и относился к Мохану, как к сыну.

Как-то вечером, прощаясь с мальчиком, он сказал:

— Завтра приходи вместе с отцом. Пусть порадуется твоим успехам.

На следующий день Мохан пришёл с отцом. Манурат устроил мальчику настоящий экзамен. «Что это за буква?» —





спрашивал он. И Мохан отвечал бойко, не задумываясь.

Слёзы радости блестели в глазах у отца.

— Никто ещё в нашем роду не знал тайны букв, — сказал он сыну. — Ты первый узнал эту тайну!..

А потом, обращаясь к Манурату, он спросил:

— Скажи мне, добрый человек, кто научил тебя так хорошо относиться к людям? Кто научил тебя помогать нам, «неприкасаемым», с которыми другие даже разговаривать не хотят? Кто научил тебя всему этому?

Манурат молча поднялся с цыновки, на которой сидел, и указал на маленький портрет.

— Вот кто научил меня всему этому! — с улыбкой сказал он.

— Как зовут этого человека? — спросил Мохан.

— Прочти сам. Ты же теперь знаешь буквы — значит, сумеешь прочесть и целое слово!

Мохан подошёл поближе к портрету и медленно, по складам прочитал: **ЛЕНИН**.

Это было первое слово, которое мальчик прочитал сам.

— Ленин... Я запомню это имя! — сказал Мохан, внимательно всматриваясь в черты человека, который научил многих людей делать добро и бороться со злом.

\* \* \*

Прошло два месяца. За это время Мохан научился не только читать, но и писать. Правда, слова, написанные им, ещё напоминали каракули. Но всё же это были слова, из которых составлялись целые фразы.

И вот тогда Мохан открыл Манурату свою мечту.

— Я хочу написать письмо Ленину, — сказал он. — Я хочу сказать этому человеку большое-большое спасибо!

Лицо Манурата стало серьёзным и даже строгим, как показалось мальчику. Подумав немного, он сказал:

— Но это невозможно...

— Почему? — удивился мальчик.

— Потому что сердце Ленина перестало биться много лет назад.

— Не может быть! — крикнул Мохан. — Этого не может быть! Он не мог умереть!..

И вдруг горячие слёзы хлынули из глаз мальчика. Мохан ещё никогда не плакал так горько.

Тогда Манурат положил руку на голову мальчика и сказал:

— Не плачь... Ты же не дослушал меня. Сердце Ленина перестало биться. Это правда. Но Ленин не мог умереть. Он жив! Да, он жив в своём самом лучшем и самом верном ученике. Имя его — Сталин. Сталин, как и Ленин, учит нас делать людям добро и бороться со злом. Он, как и Ленин, думает о тебе, Мохан, и о твоём

отце, и о всех угнетённых и обездоленных.

Мальчик слушал взволнованные слова своего старшего друга, и слёзы высыхали на его смуглых щеках.

— Тогда я напишу письмо Сталину! — твёрдо сказал он.

— Напиши, непременно напиши! — сказал Манурат. А потом он добавил: — Как раз сегодня в нашей коммунистической газете напечатан портрет Сталина.

Манурат аккуратно вырезал портрет из газеты и начал прикреплять его к стене, рядом с портретом Ленина. А Мохан помогал ему, как мог.

Манурат сказал:

— Ну, теперь я украсил свою хижину к завтрашнему дню!

— А что будет завтра? — спросил мальчик.

— Завтра будет большой праздник, — ответил Манурат и, взяв мальчика за плечи, крепко поцеловал его.

Это было в последний день апреля. Весна плыла над городом. Она была жарче, чем наше самое знойное лето.

\* \* \*

А на следующий день утром Мохан, как всегда, вышел на работу вместе с отцом. Но в это утро им не пришлось подметать улицу, потому что она была заполнена сотнями людей.

Люди несли красные знамёна и портреты. Мальчик взгляделся и увидел на портретах знакомые ему лица.

Указывая на портреты, Мохан крикнул:

— Смотри, отец, это — Ленин и Сталин!

Над первомайской демонстрацией лилась песня, широкая и могучая, как полно-

водный Ганг — самая большая река в Индии.

И вдруг Мохан увидел в первом ряду демонстрации своего старшего друга.

— Манурат! Манурат! — радостно закричал мальчик.

Но в эту минуту произошло что-то непонятное. Люди остановились, а там, впереди, блеснули штыки и каски полицейских.

А уже в следующую минуту полицейские врезались в ряды демонстрантов, начали хватать людей, осыпать их ударами прикладов и дубинок.

Мохан видел, как трое огромных полицейских схватили Манурата и потащили его. От ужаса мальчик застыл на месте. Но вдруг он услышал голос своего друга:

— Не бойся, Мохан! Всё будет хорошо!..

А вечером Мохан узнал от соседей, что многих рабочих с фабрики арестовали. Арестовали и Манурата.

— В хижине Манурата будет обыск. Заберут всё, что есть, — сказал кто-то.

И в ту же минуту Мохан стремглав бросился к дому своего друга.

В бедной хижине было пусто и одиноко. Мальчик быстро снял со стены два портрета, дрожащими руками прижал их к груди и побежал обратно.

Вернувшись домой, он спрятал маленькие портреты под охапкой листьев, заменивших ему подушку.

Всю эту ночь мальчик не мог сомкнуть глаз. Он то и дело опускал руку под подушку и нащупывал дорогие ему портреты.

— Я никому не отдам их, — шептал Мохан. — Никому!..





А. НЕКРАСОВ

Рис. К. КАЩЕЕВА

## НА ВОЛГЕ

Шёл по Волге большой пароход, и плыла на нём девочка Таня.

Были там, конечно, и другие пассажиры. Но все они ещё спали: и Танина мама спала, и папа спал,— так крепко спали, что даже не слышали, как Таня встала, заплела косички, накинула пальто и вышла на палубу. Вышла и задумалась: куда итти?

На носу ветер дует, а на корме тихо. И решила Таня итти на корму. Пришла, забралась с ногами на плетённый стул и стала смотреть назад, на широкую хмурую Волгу. Смотрела, как мутные волны бегут за кормой, как уходят вдаль высокие тёмные горы, как тает туман над рекой. Смотрела, смотрела, и почему-то вспомнилась Тане Москва. Жаркий солнечный день. Вот идут они с Галкой и с Лидой по улице Горького, торопятся в школу...

Вдруг загудел гудок. Всё пропало: и Москва, и школа, и подружки...

И загрустила Таня. Столько хорошего осталось позади, а впереди — неизвестно, что будет. И скорее всего, думалось Тане, не будет там ни широких улиц, ни светлых домов, ни нарядной школы, ни добрых учителей, ни подруг.

Тут Таня вздохнула и долго ещё смотрела назад, за корму. До тех пор смотрела, пока не пришёл за ней папа.

\* \* \*

Под вечер они приехали. Вещи вынесли на берег. Потом подкатил грузовой «ЗИС». Таня уселась на чемоданах и стала смотреть, как пароход отходит от пристани.

«ЗИС» рывкнул сигналом, фыркнул мотором и помчался вдоль берега, гроыхая и прыгая по жёлтой размытой дороге.



Тут, как назло, стал накрапывать дождик. Таня с тоской посмотрела назад, на пароход, вспомнила тёплую каюту, поёжилась и подняла воротник.

Вдруг «ЗИС» сердито заворчал, свернул в сторону и стал взбираться в гору. Выше, выше...

Внизу огромным зеркалом сверкнула широкая Волга. Потом их со всех сторон обступили высокие сосны. Закружились, зашумели над головой. Таня свернулась комочком и заснула крепким сном. А когда проснулась, не было ни «ЗИСа», ни леса. Таня лежала на кровати, а кровать стояла в палатке. Над столом висел фонарь «летучая мышь». Папа разбирал какие-то бумаги, а мама разводила огонь в маленькой печурке.

Вдруг дождь громко забарабанил над головой. И так неуютно стало в палатке, так захотелось домой в Москву, что Таня с надеждой спросила:

— Папочка, а мы надолго сюда?

— Лет на пять, дочка, — сказал папа. — Самое меньшее.

У Тани сердце похолодело от папиных слов: пять лет жить здесь одним в дремучем лесу, в неуютной палатке, под проливным дождём...

И чтобы не слушать этот противный дождь, Таня закуталась с головой и опять стала вспоминать Москву, школу, подружек.

\* \* \*

А утром она проснулась от звонкой песни кузнечика, откинула полу палатки, да так и застыла на пороге.

На широкой поляне раскинулся перед ней целый город белых палаток. Могучие сосны хороводом стояли вокруг. Сверху, с синего неба глядело горячее солнце. И, радуясь солнцу, возились в жёлтой траве три пёстрых котёнка.

Из соседней палатки вышла девочка, сказала котяткам: «Брысь!» Котята пустились в разные стороны, а девочка оглянулась, увидела Таню и засмеялась.

Таня шагнула вперёд, девочка тоже шагнула. Они сошлись поближе и помолчали.

— Вы когда же приехали? — спросила, наконец, девочка.

— Нынче ночью, — сказала Таня. — А вы?

— Мы давно, мы уж неделю тут. А тебя как зовут?

— Меня — Таня. А тебя?

— А меня Галя, — сказала девочка.

Вдруг глухой грохот донёсся из леса.

— Ой, что это? — спросила Таня.

— А это на площадке, — сказала Галя. — Хочешь, пойдём?

Галя пошла впереди, раздвигая кусты, а Таня едва поспевала сзади, останавливаясь и удивляясь на каждом шагу.

Огромный мухомор попался ей на глаза. Потом толстая ящерица посмотрела на неё, высунула тонкий, как жало, язычок и пропала. Из-под ног выпорхнула какая-то птица. Потом куст орешника встал на дороге, и хорошо ещё, что орехи оказались пустые, а то бы до вечера простояли здесь.

Наконец они вышли на край крутого обрыва, и то, что увидела Таня, показалось ей чудеснее всех лесных чудес.

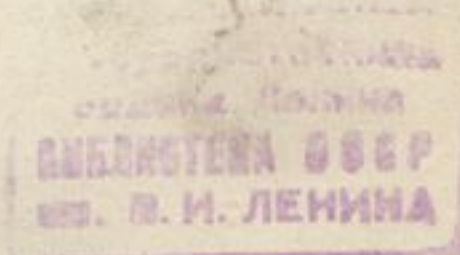
Глубоко под ними, на дне широкого оврага, словно огромное чудовище, ползали по земле удивительные машины.

Одни из них, вроде тех, что сгребают на улицах снег, не торопясь, двигались широким строем, срывая целые горы земли. Другие легко, точно морковку из грядки, вместе с корнями вырывали столетние пни и сваливали в кучу. Но больше всех поразила Таню машина, которая разрывала берег оврага.

У этой машины была длинная лапа с ковшом на конце; под ковшом торчали блестящие когти. Лапа с размаху всаживала их в берег, царапала, скребла, гребла твёрдую глину и полными пригоршнями вместе с камнями, с корнями и с кустами наваливала добычу на машину. Одной горстки хватало на большой грузовик, и, тяжело переваливаясь, он уползал куда-то, уступая место другому, порожнему.

Девочки легли на край обрыва и до тех пор смотрели на эту чудесную лапу, пока не вспомнили, что пора завтракать.

Жалко было уходить с обрыва, но пришлось подняться и пойти домой. А вечером, когда папа вернулся с работы, Таня спросила:



— А что там делают на площадке? Что там будет, папочка?

— Там будет город, Танюша, — сказал папа. — Мы там будем жить, будем с мамой работать. А ты будешь учиться.

\* \* \*

Таня с Галей чуть не каждый день ходили к обрыву, и каждый раз что-нибудь новое ожидало их на площадке.

Скоро через всю площадку протянулась железная дорога. Покатились вагоны, запыхтели паровозы. Появились столбы с фонарями, и от столбов протянулись блестящие провода. Потом привезли какие-то ящики, много-много, и разложили ровными кучками в два ряда.

Но пока что всё это было совсем не похоже на город, и Таня с Галей начали беспокоиться. Приближалось первое сентября, и девочкам казалось, что школу не сделают во-время.

И вот однажды с утра папа зарядил фотоаппарат и попросил Таню проводить его к обрыву. Таня забежала за Галкой, и они втроём зашагали знакомой тропинкой среди кустов. Пришли — и глазам не поверили!

На тех местах, где лежали груды ящиков, за один день выросла целая улица новых домов, красивых, как игрушки.

С окнами, с дверями, с крылечками. Одни ещё стояли без крыш, а на других уже были и крыши, и трубы, и из труб тянулись дымки.

Таня с Галкой завизжали от восторга. А папа сфотографировал всю площадку и сказал:

— Ну вот вам и город. Нравится?

А ещё через два дня и Таня, и Галка, и все жители полотняного городка переехали в новые дома, и город сразу ожил.

Заиграло радио в домах, загорелся свет в окнах, побежала вода из кранов, зазвонили телефоны, открылись магазины... А на одном доме, на самом большом, появилась вывеска: «Школа».

И 1 сентября в новой форме, с новыми учебниками в портфеле Таня явилась



в класс, познакомилась с новыми подругами, села с Галей на новую парту. А потом вошла учительница, прозвенел звонок, и начался новый учебный год.

\* \* \*

Таня училась. Папа с мамой работали.

Таня уже знала, что здесь, где стоит их город, советский народ начал великую стройку. И про плотину она слыхала, и про электростанцию, и про новое море, которое разольётся здесь между горами. Каждый день об этом говорили в их школе, и дома, и на улице... Но представить, как всё это будет, Таня не могла.

Наступили каникулы. Вся школьная дружина готовилась к ленинскому сбору. Старшие ребята сходили в лес за ёлками, украсили школу, а вечером все собрались в зале.

И вдруг вошёл Танин папа. Он развернул большой рисунок и повесил его на стене. И все, кто был в зале, увидели море синей воды, и корабли, и строгую линию плотины. Белые здания электростанций возвышались над морем, и куда-то далеко-далеко тонкими цепочками разбегались стройные башни с проводами.

Всё было красиво на рисунке, величественно, огромно. Даже не верилось, что люди своими руками могут совершить такие чудеса.

А потом папа стал говорить...

Он рассказал, как много лет назад Ленин стоял здесь, над Волгой, и, глядя на полвека вперёд, видел наши светлые дни, наши прекрасные города, наши школы, наших счастливых детей... Как потом во главе с товарищем Сталиным шаг за шагом шёл великий советский народ по

пути, указанному Лениным, как одну за другой одерживал великие победы и как то, что вчера казалось несбыточной мечтой, сегодня претворяется в жизнь.

В этот вечер Таня долго не могла заснуть. Где-то гремели машины, пробегали мимо пезда, перекликались гудки паровозов...

А Тане казалось, что это волны нового моря бушуют у них под окном и гудят корабли, отправляясь в далёкие плаванья...

А утром они с Галкой надели лыжи и пошли на Волгу кататься с гор.

Таня взобралась высоко-высоко и оттолкнулась палками. Сначала лыжи медленно-медленно, с хрустом давили твёрдый наст. Потом снег зазвенел под ногами, ветер засвистал в ушах. Таня посмотрела вперёд. Огромным сверкающим полем лежала безбрежная Волга. Какие-то вышки стояли на ней, чёрные ниточки дорог тянулись от берега к берегу.

А Тане казалось, что она уже видит то море, которое вчера не давало спать. Что не снежинки сверкают на солнце, а тысячи электрических звёзд, о которых рассказывал папа.

И вдруг Таня вспомнила, как тогда на корме парохода загрустила о том, что осталось позади. Она улыбнулась и решила никогда больше не жалеть о прошлом, а смотреть далеко-далеко вперёд и мечтать о том, что будет.

И, должно быть, что-то очень большое, что-то очень хорошее увидела она впереди, потому что ей стало легко-легко. И до самой Волги она неслась, как на крыльях.



# НАШ АНДРЕЙКА

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

Рис. М. БУТРОВОЙ



1

Вы встречали человека  
В шубке,  
С шарфом за спиной?  
Небольшого человека  
С карамелькой за щекой?

Развевает чолку ветер,  
Вздернут нос его слегка,  
И в глазах весёлых светят  
Два задорных огонька.

Заметает все тропинки  
Вьюга вдоль и поперёк —  
Тают лёгкие снежинки,  
Чуть коснутся жарких  
щёк.

Он шагает с папой рядом  
По хрустящему ледку.  
— Поторапливаться  
надо! —  
Говорит отец сынку.

Поспевает сын едва:  
Папа —  
шаг,  
Сынишка —  
два.

Только вышли  
к повороту —  
Повстречался папин брат.  
— Вы куда?  
— Мы на работу! —  
Папа с сыном говорят.

Их завидев,  
светофоры  
Свет зелёный им дают.  
Тормозят в пути шофёры —  
Пусть рабочие пройдут.

Вместе вышли на Лесную,  
Вместе входят  
в проходную.

Говорит отец:  
— Ну что ж,  
Сам теперь, сынок,  
дойдёшь!

Постояли,  
Попрощались,  
Отряхнули с шуб снежок  
И до вечера расстались:  
Папа —  
в цех,  
В детсад —  
сынок.

2

Чтобы люди не скользили,  
Дворник двор скребёт  
скребком.  
Чтобы смело проходили,  
Посыпает двор песком.

Льда и снега очень много,  
А работник лишь один.  
Но приходит на подмогу  
Невысокий гражданин.

Петя выглянул наружу,  
И обратно —  
в дверь плечом.  
Но Андрейке эта стужа,  
Скажем прямо, —  
нипочём!





Он мороз встречает смело,  
У него лицо горит,  
Потому что он без дела  
Ни минуты не сидит.

Стал он снег сгребать  
лопатой,

Скинул варежки долой...  
Собираются ребята,  
Кто с лопатой,  
Кто с метлой.

Как взялись они за дело,  
Как работа закипела!  
Валят снег в большую

грудку,  
Звонкий скалывают лёд.  
Снег давно прошёл  
повсюду,  
Ну, а здесь метель метёт.

Здесь работы много  
было —  
Проходите без помех!  
Даже снега нехватило  
В нашем дворике на всех.

3

У мальчонки-невелички  
Потерялись рукавички.  
Дал Андрей ему свои:  
— На, надень пока  
мои!

Обнял мальчика рукою,  
Говорит ему:  
— Пойдём!  
Рукавички мы с тобою  
Обязательно найдём!

4

Показался вдалеке  
Повар в белом колпаке.  
В белых брюках,  
В белой куртке,  
Словно вывален в муке.  
Жарко повару,

как летом,  
Пот струится по лицу.  
Надо жариться котлетам,  
А дрова пришли к концу.  
И проходит он двором  
С топором.

Крикнул громко он:  
— Андрей,  
Дело есть,  
беги скорей!

Начал он колоть дрова:  
Стукнет —  
раз,

Ударит —  
два...





Он работает без лени,  
Но Андрей не отстаёт:  
Пять берёзовых поленьев  
Он одной рукой берёт.

Над плечом снежинки  
реют.  
Щепки в стороны летят.  
Но дрова Андрейку греют,  
Хоть они и не горят.

5

Грузовик стоит уныло —  
Не работает мотор.  
Кепку сдвинул на затылок  
Озабоченный шофёр.

Тут Андрейка подбегает,  
Запыхавшись на бегу.  
Он шофёру предлагает:  
— Разрешите,

помогу!  
Говорит шофёр Андрею:  
— Подержи-ка ключ,  
сынрок.

А теперь подай скорее  
Плоскогубцы,  
молоток!

Загудел мотор исправный,  
Улыбается шофёр.

— Ну, садись, теперь  
по Главной  
Прокачу во весь опор!

6

Вы встречали человека  
В шубке,  
С шарфом за спиной?  
Небольшого человека  
С карамелькой за щекой?

Он шагает с папой рядом  
По хрустящему ледку.  
— Поторапливаться  
надо! —  
Говорит отец сынку.

Поспевает сын едва:  
Папа —  
шаг,  
Сынишка —  
два.

Начинает снег кружиться,  
Галки мёрзнут на ветвях.  
А снежинки на ресницах,  
На усах  
и на бровях.

Вышли оба за ворота,  
Через площадь,  
через сад...  
— Вы откуда?  
— Мы с работы! —  
Папа с сыном говорят.







## „СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ“



Л. ВОРОНКОВА

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

Мама открыла форточку, чтобы проветрить комнату.

— Мороз, мороз на улице! — сказала мама. — Смотри, как деревья заиндевели!

Зина надела валенки, надела шубку и синюю вязаную шапочку.

— Может, сегодня не пойдёшь? — опять сказала мама. — Очень большой мороз!

— Как же я не пойду, мама? — ответила Зина. — Ведь я же сегодня выступаю!

— А может, там как-нибудь без тебя дело обойдётся?

— Обойдётся? А как же обойдётся? Спектакль называется «Стрекоза и Муравей». А ведь Стрекоза-то — я!

— Ну, что делать! — согласилась мама. — Раз у тебя главная роль, значит надо идти. Дай-ка я тебя ещё платком закутаю, а то как бы Стрекоза по дороге себе нос не отморозила!

И закутала Зину большим пуховым платком. Только щёлочку для глаз оставила.

— Смотри же, постарайся, — сказала мама, провожая Зину, — сыграй хорошенько, ведь тебе самую главную роль дали!

— Постараюсь! — ответила Зина сквозь платок и вышла из дому.

\* \* \*

Крепкий снег скрипел и сверкал под ногами. Деревья около тротуара стояли белые и застывшие. Но Зине не было холодно, потому что она почти всю дорогу бежала, — всё боялась опоздать. Ведь у неё же — главная роль, ведь она — первая актриса, без неё и спектакль начать нельзя!

А девочки-подруги уже поджидали её, стояли на площадке на лестнице и поглядывали вниз: не идёт ли Зина?





Двери то и дело хлопали. Открывается дверь — и морозный пар клубами с улицы. Кто вошёл? Не сразу разберёшь! Зина? Нет, девочки из тридцать пятой школы. Зина? Нет, чьи-то мамы пришли на спектакль. Зина? Нет, ребята из соседнего ремесленного... Зина? Да!

Девочки обрадовались, закричали:

— Зина, раздевайся скорее! Муравей уже давно пришёл!

А одна подружка, Тоня, сбежала вниз и стала помогать Зине развязывать её большой пуховый платок.

\* \* \*

На спектакль во Дворец пионеров собралось много народу. Новый год, каникулы — кто же будет сидеть дома! Пришли ученики и ученицы соседних школ, их мамы, их младшие сестрёнки и братишки. Маленьких посадили на передние скамейки, чтобы им было лучше видно. И всем было интересно — что за спектакль приготовил им драматический кружок?

В зале уютно горели круглые лампы. Ребята украсили их еловыми ветками, и они светились, будто маленькие луны из-за леса. В углу тихо мерцала и переливалась серебром украшенная ёлка, и на синем занавесе тоже сверкала серебряная канитель.

Когда все уселись, заиграла музыка, занавес раздвинулся, и пьеса началась. На сцене было лето. Стояли берёзы с зелёными бумажными листьями, всюду цвели красные, белые и жёлтые бумажные цветы. А около цветов летали бабоч-



ки — четыре маленькие девочки в пёстрых платьях. У них были большие крылья из яркой бумаги. Они взмахивали крыльями, смеялись и бегали среди цветов.

Тут пришёл Муравей — Юра Сойкин. Он был в чёрном костюме, с усиками на шапке. Муравей стал собирать прутики и строить дом, а бабочки летали вокруг него и смотрели. Потом прилетела Стрекоза. Это была Зина. У неё тоже, как у бабочек, были крылья, только узкие, длинные, серебряные. Тут уж началось веселье! Бабочки и Стрекоза плясали, веселились, передразнивали Муравья. И все удивлялись: как это ему охота работать в такой весёлый тёплый день?

Но кто это вдруг прибежал на сцену? Появились девочки все в белом — в белых платьях, в белых туфлях, в белых шапочках... Они потоптали все цветы и забросали их белой ватой, они сорвали с берёзы зелёные листья...

— Снег идёт! Снег идёт! Снежинки прилетели! — закричали бабочки. И поскорей убежали со сцены.

Стрекоза спряталась под кустик. А Муравей залез в свой домик и закрыл дверь.

Снежинки покружились, покрыли ватой, будто снегом, все цветы и травку и умчались. Холодно Стрекозе сидеть под голым кустиком. Хотела полетать, но крылья озябли, падают. Кругом снег... снег...

Стрекоза жалобно съежилась и постучалась к Муравью:

— Не оставь меня, кум милый, дай ты мне собраться с силой!..

Но Муравей — Юра — открыл дверь, послушал-послушал Стрекозу, да и опять закрылся:

— Ты всё пела? Это дело: так поди же, попляши!..

И Стрекоза печально побрела прочь.

Занавес стал закрываться.

Вдруг среди самой маленькой публики, среди той публики, которая сидела на передних скамейках, послышался плач.

— Юрка, противный, — закричала чья-то маленькая сестрёнка, — уж не мог пустить Зину в домик!

— Что тебе — жалко? — закричали ещё чьи-то маленькие братишки и сестрёнки. — Тесно тебе? Подвинулся бы немножечко!..

А остальные зрители хлопали артистам и смеялись над малышами.

\*\*\*

Зина прибежала домой очень весёлая.

— Мама, я, знаешь, как сыграла? Лучше всех! Мне наши девочки говорили, что лучше всех!

Мама обрадовалась.

— Ты мне подробно расскажи: что было сначала, что было потом, всё по порядку!

Зина всё рассказала: и как летали бабочки, и как она с бабочками танцевала, и как наступила зима, и как она просилась к Муравью...

— Я — знаешь как? Тоненьким голоском, так жалобно! А потом пошла еле-еле, будто умираю!.. А малыши и расплакались!

Тут мама перестала улыбаться.

— Расплакались?

— Да! И потом другие тоже говорили: «Ой как Стрекозу жалко!»

Мама задумалась.

— А знаешь, Зина? — сказала она. — Ведь ты свою роль сыграла плохо.

— Как плохо? — удивилась Зина. — Почему? Ведь все меня жалели!

— Вот и плохо, что тебя жалели, — ответила мама, — а надо было сыграть так, чтобы тебя осуждали. Муравей трудился, а вы пели да играли. И Муравей же у вас оказался виноват! Разве дедушка Крылов это хотел в своей басне сказать? Прочти-ка его басню по-лучше!

Зина прочитала ещё раз басню Крылова «Стрекоза и Муравей». Посидела над ней, подумала. А потом сказала:

— А ведь я, оказывается, и правда сыграла плохо!



# СИЛЬНЫЙ ГОНЗА

*Чешская народная сказка*



Когда Гонза вырос, он стал очень сильным. Это и понятно. Если человек не боится никакой работы и совесть у него чиста, всё идёт ему на пользу: и чёрствый кусок хлеба, и долгие странствования, и даже ночёвка под открытым небом в любую погоду...

Случилось так, что осенью Гонза бродил в поисках работы. Зашёл по дороге к богатому мужику спросить, не нужен ли ему батрак.

— Нужен, — ответил богатей. — Нужно мне обмолотить зерно, провеять его и снести на мельницу.

— А сколько заплатишь? — спросил Гонза.

— Я батракам ничего не плачу, — объявил богатей: — ешь сколько влезет, а в придачу, когда кончишь работу, получишь муки, сколько за один раз унесёшь.

«Ладно, — подумал про себя Гонза, — я тебя проучу». И пошёл молотить зерно.

Дал ему богатей самый тяжёлый цеп.

Гонза помахал цепом над головой, засмеялся и говорит:

— Разве это цеп? Им хорошо мух отгонять, а не работать.

Взял он длинный шест, привязал к нему большую дубинку и начал обмолачивать снопы. Полетели солома и пыль в разные стороны. Богач не успел опомниться, как всё зерно оказалось обмолоченным.

— Давай мне скорее лопату, — кричал Гонза, — теперь я буду веять!..

Побежал богатей в сарай, принёс самую большую лопату.

— Разве такой лопатой можно работать? — рассмеялся Гонза. — Этой лопатой только детям играть...

Взял Гонза толстую жердь, пристроил к ней большой котёл и начал веять. Набрал одним разом половину зерна, высоко подкинул его в воздух; вся шелуха на ветру отлетела, и чистые зёрна посыпались на землю... Со второго раза Гонза провеял всё остальное и кричал хозяину:

— А ну-ка, давай мешок! Я снесу зерно на мельницу.

Побежал богатей к жене за самым большим мешком и, заикаясь от страха, говорит ей:



— Если он так работает, как же он ест? Вари самый большой котёл, не то он нас прибьёт.

Принёс богач Гонзе мешок. А Гонза опять смеётся и говорит:

— Этаким мешочком я зерно до вечера на мельницу не перетаскаю. Из чего бы мне сделать мешок? — Поглядел кругом и заметил около амбара кусок брезента шириной во весь двор.

— Вот из этого, пожалуй, выйдет подходящий мешок, — сказал Гонза, смастерил из брезента огромный мешок, насыпал в него зерно, завязал узлом и потащил на мельницу.

Затрясся богачей от страха, когда увидел, сколько может унести Гонза. Прибежал к жене, дрожит, чуть не плачет.

— Погибли мы, — жалуется жене. — Разорит нас проклятый батрак. Скорее думай, что нам делать...

У них в семье так было устроено: богачиха думала, а богач из бедных людей все соки выжимал. Жена подумала, подумала и говорит:

— Когда он с мельницы вернётся, ты прикажи ему до обеда колодец вычистить. — И подмигнула.

Богач так и не понял, почему она подмигнула, но побежал поскорее Гонзу встречать. А Гонза уже с мельницы возвращается, на плече пустой мешок несёт и песни распевает.

— Ну как, хозяин, готов обед? — спрашивает Гонза.

— Ещё не готов, ты до обеда успеешь мне колодец почистить.

Гонза не стал с ним спорить и полез в колодец.

Как только Гонза полез в колодец, богачиха снова подмигнула мужу и показала на огромный камень, который лежал непо-

далёку от колодца. Еле подняли они этот камень и бросили в колодец на Гонзу. А Гонза поймал на лету камень, смеётся и кричит:

— Вот спасибо, что догадались, а то мне было мокро на дне стоять!

Положил Гонза камень на дно, встал на него и продолжал чистить колодец. А у богача после этого со страху зуб на зуб не попадёт, трясётся он и шепчет жене:

— Думай, скорее думай, а то он нас разорит!

Думала жена, думала и надумала. Пошла она с мужем, взяла двух сыновей, двух дочек, и приволокли они старый колокол. Пока тащили, из сил выбились. Подняли его вшестером и бросили в колодец на Гонзу.

А Гонза кричит из колодца, смеётся:

— Вот спасибо, хозяйева, будет теперь и у меня шапочка! А то нигде не мог по своей голове купить...

Вычистил Гонза колодец и пришёл обедать. Съел один котёл супу — потребовал второй; съел второй — потребовал третий. Съел третий и говорит:

— Ну, как будто слегка подзакусил, теперь отдавайте мне должок...

Расстелил Гонза брезент во весь двор и стал сыпать туда муку. Опустел богачеев амбар, а Гонза завязал брезент узелочком, взвалил на плечи и ушёл посвистывая. А богач от жадности лишился языка.

И теперь, когда кто-нибудь при нём вспоминает про Гонзу, он не говорит, а только мычит, как бык:

— М-ууу, м-ууу...

*Перевод и обработка Л. Большицовой*



## НЕУДАВШАЯСЯ ОХОТА

Лиса — зверь чуткий, осторожный. Она обычно и близко не подойдёт в лесу к незнакомому предмету, в особенности, если от него пахнет человеком. Вот охотники и придумали очень интересный способ охоты на этого зверя. Зимой по снегу разыщут охотники участок леса, где залегла на дневной отдых лиса, и обтянут кругом этот участок тонкой бечёвкой, на которой нашиты красные флажки. А потом один из охотников спрячется где-нибудь за кустом внутри флажкового круга, а второй зайдёт в него с другой стороны да начнёт тихонько покрикивать, попугивать зверя, гнать его на затаившегося стрелка.

Услышит лиса, что человек где-то близко, вскочит и пустится наутёк. А удрать-то некуда: куда ни сунется, всюду яркие, пахнущие человеком флажки. Вот и мечется внутри флажкового круга, пока не выскочит на стрелка.

Таким способом мы с товарищем каждую зиму бьём немало лисиц.

А вот в прошлом году вышел у нас такой случай. Поехали мы охотиться к знакомому леснику дяде Фёдору. От станции до его деревни километров пять, не больше, итти всё лесом. Поезд на станцию пришёл на рассвете.

Утро чудесное, именно начало зимы. Свежий пушистый снег укрыл всю землю. Лес мохнатый, белый, а над ним неярко синее прозрачное зимнее небо.

Мы шли по тропинке через мелколесье и внимательно осматривали на снегу свежие ночные следы зверей. А вот и лисий след: ровный, лапка в лапку, будто выведенный по нитке, тянется он от опушки в чащу.

— Давай-ка мы её, голубушку, сейчас флажками затайдем, да и стукнем, — предложил мой приятель. — К дяде Фёдору прямо с добычей придём.

Быстро вынув из заплечных мешков мотки бечевы с флажками, мы обтянули чащу, потом бросили жребий — кому стрелять. Жребий достался мне. Я выбрал удобное место шагах в двадцати от флаж-

ков и спрятался за ёлку, а товарищ пошёл загонять лису.

Скоро где-то вдали послышался его негромкий окрик: «Ау-ау!..»

Я так и замер на месте, зорко вглядываясь в заснеженную лесную чащу.

Вдруг что-то яркоручее мелькнуло среди белых кустов — лиса!

Она мчалась к полянке, по краю которой ярко краснели растянутые флажки. Сейчас заметит их и бросится в сторону, прямо на меня. Деваться ей больше некуда: с другой стороны, покрикивая, подвигался по лесу мой приятель.

Вот лиса уже у самых флажков. Сейчас свернёт. Я поднял ружьё.

Но что же это? Не убавляя хода, будто вовсе не замечая флажков, лиса перескакивает через бечеву и мчится в лес.

Я так растерялся от изумления, что даже не выстрелил. Зверь скрылся в лесу.

Вскоре подошёл мой приятель.

— Эх, ты, прозевал лису! — укоризненно покачал он головой.

— Но почему же она из круга ушла, флажков будто и не заметила? — удивился я.

Приятель в недоумении пожал плечами.

Обсуждая это необычное поведение зверя, мы смотали флажки и отправились в деревню. Придя к дяде Фёдору, мы сразу же рассказали ему о случившемся. Старик выслушал нас и улыбнулся.

— Эта лиса учёная, — ответил он.

— То-есть — как учёная?

— Очень просто. Этим летом у нас в деревне пионерский лагерь стоял. Вот пионерам лисёнка и подарили. Они его всё лето держали. Здоровенная лиса выросла. Хотели с собой в город везти, да только она удрала от них. Теперь и живёт здесь в лесу, у самой деревни, даже на задворки иной раз заходит. А убить с флажками её никак нельзя. Наши охотники уж много раз пробовали — ничего не выходит. Видно, живя у ребят, она и к людскому запаху и к разным цветным вещам давно попривыкла. Учёная стала. Вот флажков и не боится.



Рисунок на обложке А. Ермолаева. На стр. 3 — портрет В. И. Ленина работы П. Васильева. На обороте обложки рисунок В. Лебедева „Русский богатырь“.

Редколлегия: А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ  
Художественный редактор Н. Попов. Рукописи не возвращаются. Технич. редактор З. Тышканец

Год издания двадцать седьмой      Цена 1 руб.      Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Суцёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06      Подписано к печати 2/XII 1950 г.      А09417  
2,8 уч.-изд. л.      Бумага 60×92<sup>1</sup>/<sub>8</sub> = 1,5 бум. л. = 3 печ. л.      Тираж 250 000 экз.      Заказ 2087

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Суцёвская, 21.

